

внутренне противоречивые и полные жизни. Преследуя цель синтезировать достижения в области наук о духе, философ-диалектик в рамках «Феноменологии» очерчивает контуры будущей системы этики. Проблемы семьи, гражданского общества и государства свое первоначальное систематическое осмысление находят именно в этой работе.

Дух, определяемый Гегелем не только как абсолютное мышление, но и как самосознающая нравственная целостность, с такой же убедительностью выводится в «Феноменологии» из «практических» начал, как и из теоретических. Именно поэтому одной из центральных в «Феноменологии духа» является проблема диалектической связи единичного и всеобщего сознания.

Обоснование нравственного идеала в понимании Гегеля возможно не с помощью формально-автономных, бесплодных рассуждений о нравственности вообще. Доказательство тождества интересов отдельного нравственного индивида, совершающего конкретные нравственные поступки, и интересов «всеобщего индивида», отчуждениями которого являются эти поступки, — вот путь к этому идеалу. Не случайно, поэтому развитие морального духа завершается в «Феноменологии» прощением «дла» и примирением всеобщего со своими отдельными моментами, примирением должного и сущего. Не случайно поэтому в «слове» примирения противоборствующих сознаний, абсолютно познавших себя и друг друга, пробуждается, наконец, абсолютный дух, всеобщее истинное «Я». Сами же гегелевские идеи о сути и проявлениях индивидуального в соотношении со всеобщим, общественным, имеют жизненное значение и ныне — как в социальном, так и в гносеологическом плане.

Две основные линии развертывания содержания в «Феноменологии духа» — анализ развития теоретического и практического разума, — переходя одна в другую, приводят к абсолютному знанию, характеризует Гегелем, с одной стороны, как «знание, постигающее в понятии»[1], и с другой стороны, как «самосознание абсолютного духа»[2]. Последовательное согласование этих генеральных тенденций позволяет Гегелю внутри «Феноменологии» успешно осуществить интеграцию теории познания и науки о нравственности, преодолеть разорванность субъекта и объекта как в теоретическом, так и в практическом мире, и подготовить, таким образом, платформу для последней в классической философии всеобъемлющей системы знания.

1. Гегель Г. Феноменология духа / Соч. Т. 4. С. 428.

2. Там же. С. 235

ОРИЕНТАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК ФОРМА НЕОБХОДИМОСТИ И СРЕДСТВО СВОБОДЫ

Крюков В.М., Коклюхин В.В., Шаш С.Д.
*Белорусский коммерческий институт управления,
г. Брест, БрГУ им. А.С.Пушкина*

Очевидный прогресс научного знания, выразившийся в радикальных изменениях условий и образа жизни людей на планете, не только не сделал очевидным место и роль науки, а вместе с тем и Разума человека в будущем общественном развитии, но в еще большей степени затруднил решение старой философской проблемы о соотношении иррационального и рационального в постижении и реализации человеком смысла его бытия.

Столкнувшись с трудностью решения «вечных» философских вопросов, вряд ли следует сегодня ограничивать пространство поиска ответов на них выбором какого-либо единственного направления — типа: «Назад к Канту», «Назад к Гегелю», или же: «Вперед к шизоанализу», как безусловно, не следует забывать о трудно переоценимом вкладе таких великих немецких мыслителей, как И.Кант, Г.-В.Ф. Гегель, И.Фихте, Л.Фейербах и др. в развитие философской мысли вообще и в решение непреходящих её вопросов, в частности.

Есть весьма много теоретических положений в учениях названных ученых, содержание и глубина которых приводит к выводу, заставляет признать, что истина не столь уж и неуловима, что люди нередко «держат её в руках», но не отдают себе в том отчет, либо оставляют истину в стороне, не сумев осознать инвариантность её содержания в свете новых фактов, рождаемых постоянно расширяющейся практикой.

Речь идет не о постижении Гегеля на то, чтобы его философия была признана последней истиной, как не идет и о том, чтобы в кантовском стремлении найти механизм обретения всеобщего и необходимого знания видеть последнее слово методологического мышления.

Речь идет о том, что рассматриваемые современным философским, гуманитарным и естественнонаучным мышлением проблемы столь сложны, многосторонни и противоречивы в их проявлениях, что, возможно, могут не только не иметь однозначного, на все случаи и на все времена установленного решения, но и не иметь единого к ним подхода, способа, метода исследования. Любой из них в своей односторонности способен скорее исказить предмет, нежели его прояснить.

Обратимся, например, к вопросу о специфике современного методологического знания, в котором имплицитно содержится и вопрос о соотношении рационального и иррационального в мотивации практической деятельности человека.

Для Г.-В.Ф. Гегеля диалектика как способ развертывания, развития духовной реальности была вместе с тем и способом, методом её постижения философским мышлением. Расхождение результатов, даваемых гегелевским философским исследованием природы, и результатов, даваемых научным мышлением, опирающимся на эмпирические методы, стимулировало, как известно, развитие позитивизма, акцентировавшего, при всех возможных оговорках, внимание в первую очередь на психологических и логических аспектах научно-познавательной деятельности.

Оставаясь в рамках субъективно-идеалистической методологии, позитивизм на всех этапах его развития в целом отрицательно относился и к гегелевской диалектике, и к кантовской трансцендентальной логике.

Между тем, развитие диалектического метода в марксистской, а затем в диалектико-материалистической научной философской мысли, с одной стороны, и развитие кантовской априористской методологии в неокантианстве, с другой стороны, несмотря на их повсеместно декларируемую идейно-теоретическую несовместимость и с позитивизмом, и друг с другом, готовило почву для понимания того, что:

- а) познавательное отношение человека к миру не является одномерным;
- в) в духовном опыте человечества накоплено много различных способов удовлетворения познавательных потребностей, без учета которых вряд ли возможна эффективная методологическая ориентация в современной сложной динамической реальности;
- с) в современном философском и научном познании наступил период плюралистического и методологического плюрализма и альтернатив.

Означает ли наступление такого периода в познавательной деятельности реальное утверждение господства методологического анархизма, эпатирующе предсказываемого в свое время П.Фейерабендом?

Как отмечал Л.Б.Баженов, П.Фейерабенд приходит к отрицанию особого эпистемологического статуса науки, отпавшая преимущественно от методологической проблематики, суть которой выражается достаточно просто: «нельзя найти ни одного методологического предписания (нормы, правила, требования), которое бы никогда в истории науки не нарушалось и при том не нарушалось успешно». (Л.Б.Баженов. Обладает ли наука особым эпистемологическим статусом? // Вопросы философии №7, 1988). Сам Фейерабенд писал, что «наука всегда полна пробелов и противоречий, что невежество, слепое упрямство, предрасудки, лживость не только не препятствуют развитию познания, но являются существенными предпосылками, и что если бы такие традиционные добродетели как точность, непротиворечивость, «честность», уважение к фактам, максимум знания при данных обстоятельствах и т.п. действительно проводились в жизнь, то это могло привести к прекращению познания». (П.Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. М., 1986, с.418)

Хорошо известно созвучное идеям Фейерабенда высказывание одного из видных физиков: «Все мы видим, что Ваша теория безумна. Мы расскажем лишь в том, доста-

точно ли она безумна, чтобы быть истинной. Я считаю – она недостаточно безумна, чтобы быть истинной».

Для обманного, неискушенного сознания не только существующие теории, но и подходы, приемы, методы осмысления реальности – будь то реальность объективная, или же субъективная, или же виртуальная – представляются и безумными, и не истинными.

Традиционные эпистемологические, метафизические рационалистические устои научно-познавательной деятельности в еще большей степени подвергаются критике в рамках постмодернистской методологии. В теоретических положениях деконструктивизма находит свое выражение прямая оппозиция важнейшим идеалам «нормальной науки».

Базируясь на трех основных идеях: на вере в освобождение человеческого рода, на убеждении в том, что история имеет смысл, на диалектической оппозиции субъекта и объекта познавательной деятельности, философский деконструктивизм противопоставляет себя традиционному видению и пониманию научности (Я. Дембовский. Деконструкционизм как критика рациональности познания. // Философия понимания и современные социально-гуманитарные исследования. Материалы Республиканской научно-практической конференции. Брест, 1997).

Деконструктивизм акцентирует внимание и придает особое значение асимметрии, нелинейности, иррациональности, прерывности, индетерминизму и несправедливости. Тем самым осуществляется прямое тотальное отрицание классического понимания науки и ее методологических основ. Вместе с тем утверждается отрицание веры в Разум. Изменяется соответственно и методологический инструментарий, в котором место рационалистических методологических принципов, идей, положений занимает свободная игра ассоциаций, аналогии и метафоры, ирония и дистанцирование, позволяющие постичь те стороны в познавательной действительности, которые оказывались недоступными с позиций рационалистической методологии. При этом критика разума и рационалистической методологии простирается до признания в качестве главных форм научной деятельности фарса и подделки, до использования в качестве доминантных средств объяснения явлений действительности категорий вероятности, неопределенности, хаоса и т.п.

Существует и такая точка зрения (например, New Age), согласно которой в качестве основного метода в естествознании признается поэзия, а эмпирическая методология рассматривается как не критическая фантазия. Безусловно, это является проявлением спиритуализма и гностического эзотеризма в области научного познания.

На наш взгляд, главной причиной такого рода трансформаций научного и философского сознания является исчерпание гносеологических полей, их смена в настоящее время и переформулировка предмета философской и научной рефлексии (См. об этом: С.Дз.Шаш, В.М.Крукаў. Ля вытокаў філасофскіх ведаў – Брэст, 1994).

Понимание того, что метод исследования независимо от субъективных желаний и предпочтений субъекта познания должен быть адекватен объекту и предмету познания в одинаковой мере служит основанием для развития методологического сознания в двух противоположных направлениях, а именно: в направлении расширения методологического арсенала, формирования все новых сколь угодно экзотических методов и приемов, позволяющих реализовать требование полноты, целостности, всесторонности познания, во-первых; и, во-вторых, в направлении отбора, диалектического синтеза средств и приемов познавательной деятельности, имеющих различную природу, с целью постижения объектов исследования во всей их внутренней сложности, противоречивости, изменчивости.

Как мы полагаем, именно в процессе отбора методологических средств исследования реализуется важнейшее атрибутивное, сущностное качество субъекта познания – способность ориентироваться: осуществлять, устанавливать количественную и качественную, пространственную и временную форму и меру использования наличествующего знания в опосредовании исследуемой действительности.

Ориентация как особый момент научно-исследовательской деятельности позволяет формировать знание, обладающее статусом истины («здесь и сейчас»), статусом истины конкретного места и времени, конкретных обстоятельств и возможностей. (Крюков В.М. Ориентационная деятельность и мировоззрение. Брест, 1999.)

Не следует, однако, за внешней похожестью ориентации на эклектику видеть их тождественность. Известная со времен античности эклектичность в воззрениях на явления действительности имеет чисто гносеологическую и механистическую по своему существу подоплёку представления объектов мышления в сознании субъекта познавательной деятельности, тогда как ориентационная деятельность призвана выразить не агрегатный характер объектов мысли, а синергетизм процесса познания, в котором «схватывается» вся сложность и противоречивость взаимодействия субъекта и объекта познания.

Ориентационная деятельность, рассматриваемая в качестве методологической предпосылки исследовательского процесса, более уместна, востребована, предпочтительна там, где речь идет об объектах, интегрирующих в себе «физику, химию и математику жизни» с ее духовностью и смыслом (Сзхьяну). Там же, где речь идет о задачах, требующих языка однозначности, логической строгости, выражающей порядок и необходимость, — там нужны, в первую очередь, различного рода логики, начиная от формальной традиционной, и, кончая логикой диалектической, взятой во всеоружии обобщения ею новейших открытий науки.

Искомый вопрос о соотношении рационального и иррационального в жизнедеятельности человека трансформируется тем самым в вопрос о природе, сущности и механизмах его ориентационной деятельности. (Сороко Э.Э. Ориентация и целеустремленность. "Чалавек. Грамадства. Свет", №4, 2001).

Среди существовавших ранее и существующих ныне механизмов ориентационной деятельности одним из важнейших является механизм мировоззренческой ориентации, реализуемый философским мышлением. В этом плане нельзя не согласиться с Х.Г. Гадамером в его характеристике философии нашего времени как самосознания человека в современную эпоху науки, призванного ответить на радикальный вопрос: «Как возможно понимание окружающего нас мира и как в этом понимании воплощается истина бытия?» (Х.Г. Гадамер. Истина и метод. — М., 1988).

Являя собой многообразие различных интеллектуальных течений и школ, философия делает сознание общества и сознание личности диалогичным и полифоничным. Игравшая по-прежнему важную роль в решении проблемы самоопределения человека себя в текучести и противоречивости бытия, она, в силу неоднозначности, плюралистичности оценок и подходов к явлениям природы, общества и духовной жизни, на уровне её практического применения сама нуждается в предварительной ориентации. Так что и в практической, и в теоретической сферах постижение повседневной жизни, её смыслов и ценностей, идущее через снятие напряжений, противоречий между различными сферами культуры, ведет к необходимости основательного осмысления самой сущности, значения, роли ориентационных механизмов жизнедеятельности человека, конкретизирующих и реализующих диалектику его бытия в универсуме, диалектику необходимости и свободы его самоопределения как мыслящего и переживающего субъекта.

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕМЕЦКИМ ИСТОРИКОМ Э.ВИНТЕРОМ УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

А.Н. Свирида

г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина

Немецкий исследователь Э.Винтер занимался исследованием политики Ватикана в отношении России, а затем и СССР. Последняя часть его трилогии охватывает хронологический период с 1917 по 1968 гг. Его исследования были переведены на русский язык. Последняя часть трилогии была переведена и вышла в 1977 г. [1]

Э.Винтер отмечал, что «одна из средств осуществления своей «всемирной миссии» папство видело в церковной унии, соединении христианских церквей под эгидой папы». История развития в Ватикане идеи унии Э.Винтер уделяет значительное внимание. Примечательна оценка, которая красной нитью сквозит через всё исследование: